

УДК: 159.9.072

doi: 10.11621/vsp.2020.04.07

СУБЪЕКТИВНАЯ КАРТИНА МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Л.В. Куликов*¹, А.Ю. Малёнова², Ю.В. Потапова³

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия.

³ Омский государственный медицинский университет Минздрава России, Омск, Россия.

* Для контактов. E-mail: leon-piter@mail.ru

Актуальность статьи связана с тем, что разнообразие исследовательских подходов и полученных данных затрудняют формирование целостной картины материнства как феномена внутреннего мира женщины. Научные представления о материнстве выступают необходимым базисом для формирования демографической политики государства, укрепления семейных ценностей в обществе, воспитания молодежи.

Целью статьи выступает анализ и обобщение современных исследований, касающихся различных аспектов субъективной картины материнства, выявление ее основных составляющих, сравнительный анализ детерминант формирования картины материнства, описание разнообразия в представлениях о материнстве.

В результате анализа российских и зарубежных исследований описаны сходства и различия в трактовках многих аспектов материнства, в обусловленности субъективной картины материнства рядом социокультурных факторов. Рассмотрены ведущие факторы готовности к материнству, связи с детскими переживаниями, социальными представлениями о материнстве, культурно-историческим контекстом семейной жизни. Описаны представления женщины о себе как будущей матери, подчеркивается влияние взаимоотношений и эмоциональной атмосферы в родительской семье, значение идентификации с собственной матерью и ее позиции в детско-родительских отношениях. Выделены особенности принятия роли матери, причины основных ролевых девиаций и конфликтов женщины как результата несоответствия ее поведения установленной (обществом, окружающими, членами семьи, ею самой) ролевой модели. Обращено внимание

на результаты эмпирических исследований, показывающих возможность гармоничной координации материнской самореализации женщины с другими формами самореализации.

Сделаны **выводы**, что культурные традиции, доминирующие в обществе ценностные ориентации, представления о личной успешности, карьере, благополучии оказывают существенное влияние на субъективную картину материнства, но превалирующее значение имеют межличностные отношения в близком социальном окружении. Субъективную картину материнства можно рассматривать как часть мироощущения и мировоззрения женщины, она изменяется под влиянием жизненных планов и обстоятельств, многочисленных внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: представление о материнстве, готовность к материнству, самопринятие матери, ролевые конфликты матери, удовлетворенность материнством.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-113-50583.

Для цитирования: Куликов Л.В., Малёнова А.Ю., Потапова Ю.В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 4. С. 135–167. doi: 10.11621/vsp.2020.04.07

Поступила в редакцию: 17.08.2020 / Принята к публикации: 21.09.2020

SUBJECTIVE PICTURE OF MOTHERHOOD IN RUSSIAN AND FOREIGN STUDIES

Leonid V. Kulikov*¹, Arina Yu. Malyonova², Yulia V. Potapova³

¹ St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

³ Omsk State Medical University, Omsk, Russia.

Corresponding author*. E-mail: leon-piter@mail.ru

The relevance of the article is due to the fact that the variety of research approaches and data obtained make it difficult to form a holistic picture of motherhood as a phenomenon of a woman's inner world. Scientific ideas about motherhood present a necessary basis for the formation of the demographic

policy of the state, for the strengthening of family values in society and for the education of young people.

The purpose of the article is to analyze and summarize modern studies concerning various aspects of the subjective picture of motherhood, to identify its main components, to comparatively analyze the determinants of the formation of a picture of motherhood, to describe the diversity in the ideas of motherhood.

As a result of the analysis of Russian and foreign studies, the similarities and differences in the interpretations of many aspects of motherhood and the conditionality of the subjective picture of motherhood by a number of socio-cultural factors are described. The leading factors of readiness for motherhood, connection with childhood experiences, social ideas about motherhood, cultural and historical context of family life are reviewed. The article describes the woman's ideas about herself as a future mother, emphasizes the influence of relationships and emotional atmosphere in the parental family, the importance of identification with her own mother and her position in child-parent relationships. The peculiarities of accepting the role of the mother, the reasons for the deviations from the main role and conflicts of a woman as a result of the discrepancy between her behavior and the established (by society, others, family members, herself) role models are highlighted. Attention is paid to the results of empirical studies showing the possibility of harmonious coordination of a woman's maternal self-realization with other forms of self-realization.

It is concluded that cultural traditions, the dominant value orientations in society, ideas about personal success, career, well-being have a significant impact on the subjective picture of motherhood but interpersonal relationships in a close social environment are of predominant importance. The subjective picture of motherhood can be viewed as part of a woman's attitude and worldview. It changes under the influence of life plans and circumstances, numerous external and internal factors.

Keywords: representation of motherhood, readiness for motherhood, self-acceptance of mother, role conflicts of mother, satisfaction with motherhood.

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-113-50583.

For citation: Kulikov, L.V., Malyonova, A.Yu., Potapova, Yu.V. (2020) Subjective picture of motherhood in Russian and foreign studies. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 4, P. 135–167. doi: 10.11621/vsp.2020.04.07

Received: August 17, 2020 / Accepted: September 21, 2020

Введение

Материнство как ценность и отношение, осознание и переживание, поведение и деятельность, представляет собой один из сложнейших феноменов человеческого бытия. По множеству переплетающихся биологических, психологических, социальных, культурно-исторических факторов он уникален. Исследователи родительства преимущественное внимание уделяют стилям воспитания, характеристикам отношения к ребенку, родительскому ролевому поведению, ролевым конфликтам современной женщины, трансформации норм родительства, социальным представлениям о ценности материнства. Субъективная картина материнства не находится в центре внимания, возможно потому, что этот предмет сложен для исследования. Культурные традиции, общественный уклад, близкое социальное окружение не детерминируют поведение и деятельность человека напрямую. Решения и поступки обусловлены складывающейся субъективной картиной жизненной ситуации. Это в полной мере относится и к материнству. Субъективная картина материнства тесно связана с сознанием и самосознанием женщины, но не идентична им, она формируется до возникновения материнского статуса, изменяется под влиянием многих жизненных обстоятельств и существует при его утрате. В отличие от нее, материнское сознание и самосознание функционирует при актуальном материнском статусе женщины. Субъективная картина материнства различна у женщин, имеющих детей, у женщин не имеющей детей, но желающих иметь, у женщин не имеющей детей и не желающих их иметь, у женщин с бесплодием и т.д. Она выступает ведущим фактором мотивации материнства, становления материнской личностной позиции, трактовки материнской роли, формирования установок на воспитание, помощь и поддержку детям. Субъективная картина явления или объекта окружающего мира формируется под влиянием социальных представлений, продукции различных масс-медиа, усвоенных норм и традиций социума и этноса, установок и моделей поведения, укоренившихся в ближнем социальном окружении, но никогда не представляет собой их проекции, копии. Она всегда индивидуальна, в ее составляющих, в ее доминантах отражен накопленный жизненный опыт, сформированное мировоззрение, преобладающее мироощущение, имеющийся и желаемый круг социальных ролей.

Целью статьи выступает анализ и обобщение современных исследований, касающихся различных аспектов субъективной картины

материнства, выявление ее основных составляющих, сравнительный анализ детерминант формирования картины материнства, описание разнообразия в представлениях о материнстве, в понимании материнской роли.

Представления о себе как будущей матери

Осознание своего будущего родительства формируется довольно рано. Предпочтение в детском возрасте девочками игр в «дочки-матери», с одной стороны, представляет собой копирование материнского поведения, в котором дочь была одновременно и объектом заботы, ухаживания, манипулирования, и участником данного взаимодействия, а, с другой стороны, свидетельствует о допущении, что она тоже может выполнять материнскую роль, разумеется, выполнять ее в том понимании, на которое способен ребенок. В ходе развития представления о своем вполне вероятном родительстве постепенно становятся всё более детальными и полными. Участие взрослых (особенно мамы) в этих играх очень важно, т.к. в них заложен первый опыт поведения девочки как будущей матери, и обыгрывается ее отношение к будущим детям (Филиппова, 2002). Следующий этап в формировании материнства Филиппова относит к возрасту 6–9 лет, когда дети (и мальчики, и девочки) переходят к общению с настоящими младенцами — своими братьями и сестрами (если они появляются). По мнению Филипповой, дети младшего школьного возраста с удовольствием общаются с младенцами, не испытывая страха и неуверенности. В такой ситуации для старшего ребенка главным является получение опыта общения, игры, ярких эмоций от взаимодействия с малышом, а не груз заботы и ответственности, который им еще не по силам. Несформированные или не наполненные чувствами представления о себе как матери выступают фактором психологического риска для будущего развития ребенка (Копыл, Баженова, Баз, 1993).

На выборке 100 учеников 8–10 лет (47 мальчиков, 53 девочки) одной из московских школ А.О. Колесовой с помощью рисуночных методик и интервью было установлено, что существует статистически значимая связь между рядом характеристик рисунков будущей (собственной) семьи и эмоциональной атмосферой в родительской семье. Хотели бы в будущем иметь детей 97% младших школьников. Намерение ограничиться двумя детьми (в большинстве случаев разного пола) имели 57% мальчиков и 70% девочек, чаще оно объяснялось возможными материальными трудностями. Выявлена

связь представлений школьников о будущей двухдетной семье с двухдетной родительской семьей. Трех и более детей разного пола хотели бы иметь 17,6% мальчиков и 18,6% девочек; 27,0% мальчиков и 23,3% девочек планируют ограничиться одним ребенком. Установлена связь между желанием учащихся обоих полов иметь двух, трех и более детей и их собственной принадлежностью к двухдетной или многодетной семье (Колесова, 2011).

По мнению Е.Х. Валеевой, у современной женщины все более укрепляются представления о расширении полоролевого репертуара, о возможности сочетания традиционно мужских и традиционно женских качеств в равной степени (ортогональная модель маскулинности/феминности). На социализацию современных девочек серьезное давление оказывает ценность индивидуальности как доминирующая. Маскулинного поведения требует ориентация на социальную успешность (Валеева, 2006). Данные эмпирического исследования позволили прийти к выводам, что адекватное отношение девочки к себе как будущей матери во многом определено ее идентификацией в детском возрасте с собственной матерью (или ее образом), а впоследствии адекватной сепарацией, что позволяет установить доверительные взаимоотношения. Враждебная, непоследовательная или директивная позиция матери влечет за собой проблемы в становлении материнского самосознания, в формировании позитивного отношения девочки к себе как женщине и будущей матери. При автономной позиции матери в самоотношении девочки появляются негативные моменты, у нее заостряется внутренняя конфликтность, поскольку девочка испытывает затруднения в понимании тех чувств, которые она вызывает у своей матери. Девушки, позитивно настроенные на собственное материнство, семейное благополучие, теплое ближайшее окружение, материнство и стремящиеся к активной жизни, включающей получение образования, профессиональный и карьерный рост, другие формы самореализации вне семейной жизни, описывают отношения с собственной матерью как дружеские, как отношения с взаимным пониманием. Они нередко высказывали желание походить на мать (Валеева, 2006).

Идентификация женщины как будущей матери со своей матерью особенно важна в период ожидания ею первого ребенка (Леус, 2001). Этот процесс выступает необходимым условием для формирования в структуре Я зрелого материнского образа, укрепляет уверенность в себе, высокую самооценку и снижает внутреннее напряжение, связанное с предстоящим материнством. Женщины,

у которых в период ожидания первого ребенка есть положительное эмоциональное отношение к своей матери, готовы опереться на ее опыт воспитания, что помогает им включить материнский образ в структуру своей Я-концепции. У них нет значительных расхождений между Я-реальным и Я-идеальным. Женщины, у которых в период ожидания первого ребенка существует негативное эмоциональное отношение к своей матери, не готовы к включению в структуру представлений о себе материнского образа и делают это по факту рождения ребенка. До рождения ребенка у них есть негативное представление о себе как о дочери, которое после родов исключается из представлений о себе. Недовольство собой, сильное чувство самообвинения, повышенная внутренняя конфликтность не позволяют этим женщинам чувствовать себя уверенными; у них наблюдается низкая самооценка, они склонны ожидать непонимания и неуважения к себе со стороны других. Сильное расхождение между Я-реальным и Я-идеальным повышает внутреннее напряжение и тревожность (Леус, 2001).

Ценностное измерение материнства

Значение материнства определяется переживаниями детства, опытом отношений со своей матерью, которые в период беременности переосмысливаются и перерабатываются, что по сути и выступает завершающим моментом обретения женской идентичности (Пайнз, 1997; Мордас, 2017). И хотя этот процесс запускается на ранних стадиях личностного развития девочки, он продолжается с началом взаимодействия со своим ребенком, испытывая влияние множества социальных факторов (Андрянова, Аранович, Новокрещенова, 2011; Устинова, 2015; Разина, 2012). В связи с этим вполне можно предположить наличие в самосознании наших современниц исторически заложенного конфликта, отражающего противоречивое отношение к материнству, закрепленное на уровне его субъективной картины. Причем, этот конфликт является не только следствием российской истории, но и мировой, в том числе благодаря механизмам глобализации и цифровизации, подтверждением чего могут стать результаты современных российских и зарубежных исследований.

Традиционно считается, что ситуация ожидания, рождения и воспитания ребенка кардинально меняет самосознание женщины, переструктурируя иерархию ценностей и смыслов, «превращая» в прошлом дочь и супругу в мать. Противоречивость отношения

к материнству подчеркивается во многих исследованиях. В материнстве видят его эволюционное предназначение, почетную обязанность, высшую степень самореализации, самоотверженность, с одной стороны, и дополнительную ролевую нагрузку, жертвенность, самоограничение, помеху, обузу, с другой. Также исследователями отмечается наличие наряду с эксплицитными (как правило, содержащими позитивные оценки) имплицитных представлений о материнстве, в которых содержатся по сей день табуированные темы о сложностях материнства, за высказывание в отношении которых женщина может получить общественное порицание (Микляева, Румянцева, 2018).

Противоречия вскрываются и при сопоставлении результатов исследований разных авторов. Так, Н.К. Грицкевич, А.А. Долгих, Н.Я. Большунова у матерей дошкольников обнаружили большую ценность нравственных качеств и семьи в сравнении с бездетными женщинами. У последних структура ценностей включала большее число компонентов, в том числе общечеловеческие и индивидуальные ценности, обеспечивающее собственное личностное и социальное развитие (Грицкевич, Долгих, Большунова, 2015). Однако в другом исследовании этого же года на выборках матерей дошкольников и воспитывающих детей до 3-х лет, было выявлено, что только у 26% опрошенных семья оказалась на первом месте, уступая в большинстве случаев ценностям обучения, общественной деятельности, хобби и пр. (Устинова, 2015). Несмотря на то, что у матерей дошкольников ценность семьи выше, их эмоциональный контакт с ребенком слабее, чем у матерей, воспитывающих детей раннего возраста. В целом, у матерей обеих групп была установлена прямая связь осознанности материнства с уровнем благополучия и удовлетворенностью детско-родительскими отношениями. «Материнская жертвенность», напротив, более свойственна женщинам при недостаточно осознанном отношении к родительству. Это подтверждается и исследованиями Б.А. Гунзуновой. Автор отмечает, что, чем выше уровень осознанности и готовности к материнству, тем женщина более автономна, независима, меньше концентрируется на своих проблемах, больше интересуется окружающим миром, менее тревожна и замкнута на переживаниях, более работоспособна и у нее выше сбалансированность личности (Гунзунова, 2019).

Беременность в студенчестве часто оказывается не только не запланированной (74%), но и нежелательной, препятствующей качественному осуществлению ведущей деятельности (из-за со-

путствующих состояний: пассивности, утомляемости, вялости, низкой работоспособности, хаотичности), снижающей общий уровень активности и удовлетворенности жизнью, приводя к эмоциональной (тревога, раздражительность, апатия, уныние, разочарование, безразличие) и социальной (сужение интересов, нарушение контактов, неопределенность будущего) дестабилизации, в том числе при явном желании «физически избавиться» от фактора, вызывавшего эти следствия (76% студенток сообщили о мыслях об аборте). На фоне таких депрессивных и фрустрационных реакций закономерно, что на выборке редко встречался оптимальный тип отношения к беременности, а чаще — гипогестогнозический, а также эйфорический (Мережников, Степанова, 2019). По мнению С.Н. Борисовой, Ю.Р. Седельниковой, такие результаты могут быть объяснены неготовностью девушек к предстоящей роли. По результатам их исследования, ценности материнства в сознании студенток положительно связаны с ценностью любви, семьи, детей, тогда как с ценностью свободы и общественного признания они связаны отрицательно (Борисова, Седельникова, 2018). О «возрастных ограничениях готовности» студенток к материнству, сообщается и в работе Е.И. Жупиевой. Несмотря на то, что все обследованные ею студентки 17–20 лет в будущем планируют детей, на данном этапе своего развития их рождение девушки часто связывают с тревогой, в том числе вследствие изменения привычного образа жизни, в связи с чем наблюдается потенциальная дистанцированность в отношениях с будущим ребенком и снижение его ценности (Жупиева, 2015). В исследовании С.И. Галяутдиновой, Р.Р. Кутушевой, Р.Б. Гумеровой также психологическая готовность к материнству связывается с возрастом. Для более молодых беременных ценности активной деятельной жизни, работы, любви, общения, развлечений, общественного признания и свободы имеют большее значение, чем для женщин старше 25 лет, ориентированных в большей степени на счастливую семейную жизнь, развитие, жизненную мудрость, уверенность в себе (Галяутдинова, Кутушева, Гумерова, 2016).

Зарубежные авторы концентрируют внимание на когнитивных и поведенческих аспектах подготовки к родительству, изучают особенности представлений и ожиданий матерей относительно своего ребенка и его характера (Behringer, Reiner, Spangler, 2011; Harwood, McLean, Durkin, 2007), связь субъективной картины материнства с оценкой ребенка и самооценкой матери (Reisz, Jacobvitz, George, 2015), описывают представления о возможных изменениях, которые

принесет с собой обретение родительской роли. Это ограничение возможностей распоряжаться своей жизнью, необходимое принятие ответственности за жизнь и здоровье нового человека, изменение социального статуса семьи (Darvill, Skirton, Farrand, 2010; Kushner, Pitre, Williamson, Breikreuz, Rempel., 2014). Отмечается, что молодые женщины хуже адаптируются к материнству, имеют повышенный риск развития послеродовой депрессии (Copeland, Harbaugh, 2019).

Субъективная картина своего нового статуса у женщин с желанной и нежеланной беременностью имеет существенные различия. Это отчетливо проявляется в рисуночных диагностических методиках. При позитивном отношении к беременности в рисунках «Я и мой ребенок» виден сформированный образ будущего ребенка, он принимается как собственный. У женщин, не встающих на учет по беременности, в психологическом компоненте гестационной доминанты преобладают депрессивный и тревожный типы, что говорит о негативном отношении к беременности и будущему ребенку. Роль матери воспринимается как нежелательная, образ будущего ребенка не формируется, что прослеживается и в их рисунках, на большинстве из которых контакт матери и ребенка отсутствует, ребенок часто изображается на руках у бабушки, без каких-либо индивидуальных признаков (Хазова, Золотова, 2009). Аналогичные результаты были получены и другими исследователями. Среди «отказниц» очень часто встречаются эмоционально незрелые личности, которых отличают аффективная несдержанность, низкая толерантность к стрессам, эгоцентризм и независимость. Для них значительный вес (42%) имеет мнение родителей, нередко объяснением выступает такое: «Я не могу прийти к родителям с ребенком, не имеющим отца» (Брутман, Ениколопов, Панкратова, 1994).

Отечественные и зарубежные исследователи считают, что несформированность психологической готовности к выполнению материнских функций ведет к искажению нравственных ценностей самой женщины, к формированию идеологии антиматеринства и детофобии.

Отношение к родительской роли

Отношение женщины к компонентам материнской роли выступает важным фактором ее успешного освоения наряду с высокой поведенческой гибкостью матери и адекватными ожиданиями от материнства (Якупова, 2017). Удовлетворенность материнством в наибольшей степени зависит от успешности реализации материн-

ских функций, положительного отношения к материнской роли и уважительного отношения к женщине-матери со стороны близкого социального окружения. Удовлетворенность выше у женщин, обладающих гибкостью и оперативностью мышления, отсутствием тревожности и напряжения, уверенных в себе и своих силах, жизнерадостных. В супружеских отношениях особенно важны единство взглядов, легкость и психотерапевтичность общения, способность супруга к соучастию в деле воспитания ребенка. Не менее важны способность к сопереживанию ребенку, положительный эмоциональный тон взаимодействия, умение успокоить ребенка, гармонизировать его настроение и эмоциональное состояние (Захарова, Калачева, 2012).

Вопросу принятия родительской роли посвящены многие зарубежные исследования. В них дана оценка тому, в какой мере на эмоциональное состояние, отношения супругов и эффективность их функционирования влияют ожидания от родительства. Чем больше различия (своеобразный «кризис экспектаций») между сформированными идеалами и реальностью, тем более выражены симптоматика депрессии, тем острее срывы адаптации у новоиспеченных матери и отца (Harwood, McLean, Durkin, 2007). В канадском исследовании К. Кушнер с соавторами подчеркивает, что большинство семейных пар, готовясь стать родителями, переживает ситуацию кардинальных изменений семейного уклада, решает проблему разделения ответственности, сталкиваясь с неопределенностью и ограниченностью знаний о предстоящем образе жизни (Kushner, Pitre, Williamson, Breitkreuz, Rempel, 2014). Неудивительно, что возрастающее напряжение оказывает воздействие на отношения между супругами, причем они становятся более конфликтными с момента беременности, как у пар, ждущих первенца, так и у тех, кто решил завести второго ребенка, и продолжает находиться в нестабильном состоянии весь первый год жизни ребенка (Harwood, McLean, Durkin, 2007).

Далеко не все женщины согласны с «приписыванием» родительской роли исключительно женщине в силу ее половых и гендерных признаков как реализации «материнского инстинкта». У молодых матерей часто возникает чувство вины и стыда из-за того, что она не реализует «заложенную природой» и предназначенную для нее роль уверенно, наслаждаясь материнством (Микляева, Румянцева, 2018). Интересным в этом случае является то, что, если россиянки готовы к принятию этой ответственности и обязательств на себя, то жительницы других стран могут демонстрировать другие реакции.

Так, в исследовании А. Мартина и соавторов описывается опыт афроамериканок и англоговорящих латиноамериканок, которые активно обучают своего партнера уходу за ребенком, чтобы можно было делить обязанности с супругом, проявляя при этом зачастую агрессивную позицию. Женщины стараются убедить в том, что, несмотря на свой пол, они не родились знатоками ухода за новорожденным, в них нет предустановленной программы, инстинкта, отвечающего за подобное поведение. Белые американки, реализуя более индивидуалистичную стратегию, меньше рассчитывают на помощь супруга и родных, предпочитая оплачивать услуги няни. Женщины в США часто говорят о том, что из-за страха осуждения, чувства гордости или желания показать свою независимость они испытывали трудности в том, чтобы попросить помощи у своей семьи. Они ожидали инструментальной поддержки, которую родственники окажут им без просьбы — по собственной инициативе (Negron, Martin, Almog, Balbierz, Howell, 2013). Однако именно поддержка со стороны супруга и близких, сходство во взглядах на родительство, воспитание на разных этапах развития ребенка, одобрение действий женщины в роли матери выступают важными факторами сохранения эмоционального благополучия женщины, особенно, на первых этапах материнства (Тихомирова, Уманская, 2016; Казаева, 2017; Гурьянова, 2004; Захарова, 2014). Это подтверждается и результатами исследования Дж. Берингер, И. Райнер, Г. Спенглер: женщины, обладающие мощным ресурсом поддержки со стороны семьи, могут переживать яркие негативные эмоции, связанные с адаптацией к новой для нее роли матери и, совладав с трудностями за сравнительно короткий срок (от 2 недель до 4 месяцев), принимают новые условия жизни и эффективно справляются с новыми вызовами и обязанностями (Behringer, Reiner, Spangler, 2011). Р. Дарвилл с коллегами отмечают, что поддержка социального окружения не ограничивается исключительно близкими родственниками и супругом. Женщины могут стремиться получить помощь со стороны других молодых матерей, а также ищут мудрого наставника, который поможет ориентироваться в ситуации, требующей специфических знаний. Как правило, эту роль может сыграть врач, наблюдающий беременность, педиатр, лечащий ребенка, психолог, воспитатель, либо другой человек, обладающий не только специфическими знаниями, но и большим жизненным опытом (Darvill, Skirton, Farrand, 2010).

К сожалению, сами женщины, согласно данным исследования А.В. Микляевой и П.В. Румянцевой, часто отмечают наличие

именно негативной, обесценивающей обратной связи от родных, представителей образовательных учреждений, незнакомых людей, проявляемой в форме критики, непрошенных советов, вторжения в личную жизнь семьи. Подобные действия разрушают позитивное самоотношение женщины, провоцируя появление чувства вины, ощущение своей несостоятельности как матери (Микляева, Румянцева, 2018), а также провоцируют усиление депрессивных состояний, снижение материнской самооценки (Howell, Mora, Leventhal, 2006) и усиление материнского дистресса (Copeland, Harbaugh, 2019). Все это усиливается при стремлении женщины совмещать роль матери с решением других задач, прежде всего, профессиональных. Однако, по данным Е.И. Захаровой, мотивация женщины, проходящей своеобразную ресоциализацию на работе, значительно меняется: возрастает стремление к близости с ребенком и снижается значимость профессиональной самореализации и социального одобрения. То есть, время, проведенное с ребенком, сокращается, но при этом увеличивается его «качественное наполнение», ценность этого контакта, что можно рассматривать как своеобразный психологический ресурс матери (Захарова, 2014). При этом возраст оказывает существенное влияние на отношение к семейной роли и к будущему ребенку. С возрастом происходит снижение негативных эмоциональных реакций и снижается стремление к контролю ребенка и семейной среды (Корниенко, Радостева, Силина, 2019).

По мнению Т.Л. Крюковой, М.В. Сапоровской и Е.В. Куфтяк, этап принятия роли матери можно определить как особый период в онтогенезе материнской сферы личности женщины, который характеризуется рядом особенностей: появление реального ролевого поведения; согласование родительских установок женщины и ее представлений о себе как матери с ожиданиями окружающих; перестройка ролевого репертуара личности; появление или актуализация потребности в материнстве, перестройка личностных смыслов (Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005).

Представления о социальных ролях женщины

Ролевой конфликт в жизни современных женщин, стремящихся к профессиональной самореализации, часто выступает предметом изучения, не теряющим свою актуальность, не только в российских, но и в зарубежных исследованиях. В центре внимания оказываются проблемы гендерного неравенства на рынке труда, оценки материнства как социального статуса и его соотношение со статусом

профессиональным, учета режима работы при оценке материнских убеждений, влияния работы на физическое и психическое здоровье женщины, воздействия переживаний материнства на мировоззрение и самооценку. Причем, выводы авторов порой противоречат не только обыденному представлению о ряде проблемных точек, но и вступают в конфликт с данными исследований в смежных областях. Так, П. Ингланд, отмечая сходство обнаруженных ею тенденций в США с другими странами, утверждает, что, вопреки мнению экономистов, два основных источника «гендерного» разрыва в оплате труда — сегрегация рабочих мест и последствия ответственности женщин за воспитание детей, не связаны между собой, предлагая искать другие причины ролевых конфликтов (England, 2005). Однако, К.Л. Риджуэй и С.Дж. Коррелл, напротив, отмечают, что дискриминационные тенденции в отношении материнства значительно более выражены, чем гендерные. Роль матери, воспитателя искусственно обесценивается, потенциально приводя к обесцениванию профессиональной пригодности и компетентности женщин, обостряя тем самым конфликт между образами «хорошей матери» и «идеального работника» (Ridgeway, Correll, 2004). К этому же конфликту, а также ухудшению психического здоровья, может приводить и другая стратегия: усиление у работающей матери чувства вины и стыда на фоне, напротив, искусственного повышения значимости материнства в жизни женщины, ожиданий и требований ролевого совершенства (Guendouzi, 2006; Henderson, Harmon, Newman, 2016), создания условий для интернализации завышенных стандартов идеального материнства, усиленной страхом негативной оценки окружающих (Liss, Schiffrin, Rizzo, 2013). И новая тенденция — «интенсивное материнство», часто не снимает, а усугубляет ролевой конфликт у женщин, работающих полный рабочий день (Walls, Helms, Grzywacz, 2016). Однако именно такая нагрузка матерей выступает предпосылкой их более благоприятного физического самочувствия к сорока годам (согласно данным лонгитюдного исследования), чем неполная занятость, оплачиваемая работа, прерываемая безработицей, или неоплачиваемая работа по дому (Frech, Damaske, 2012). По мнению Д.Д. Джонстон и Д.Х. Суонсон эти результаты могут быть следствием не только зависимости рабочего статуса женщины от стремления соответствовать ожиданиям интенсивного материнства, но и готовности матерей изменить свои ожидания, чтобы они лучше согласовывались с выбором и требованиями конкретного рабочего статуса (Johnston, Swanson, 2006). Разрешению конфликта

идеологий «интенсивного материнства» и «идеального работника», по мнению К. Кристофер, также способствует внедрение замужними женщинами практики «обширного материнства», предполагающего, что ответственность за благополучие детей необходимо разделять с окружающими, делегируя им значительную часть заботы о детях, однако эта модель не является приоритетной у матерей-одиночек (Christopher, 2012).

В основе ролевой модели лежат образцы поведения мужчин и женщин в обществе, гендерные нормы, обусловленные культурными традициями, конкретные стандарты, одновременно выступающие критериями оценки соответствия норме. Чаще всего эти нормы касаются именно оценки женского поведения, прежде всего, материнского как наиболее гендерно-окрашенного аспекта жизни женщины, обостряясь в ситуациях противостояния и противопоставления традиционной (патриархальной) и современной (эгалитарной) моделей. Отсюда и возникают разные ролевые девиации — страх материнства, его идеализация, всепоглощающее и жертвенное материнство, вина работающей матери, синдромы «опустевшего гнезда» и «плохой матери» (Клецина, Иоффе, 2019). К ключевым дихотомиям (или континуумам) современного материнства, помимо «хорошее» / «плохое», Н.А. Нартова также относит «публичное» / «приватное» материнство (соотношение сконструированных обществом нормативных моделей и реального повседневного поведения матери), а также культурное принуждение к материнству или к его возможности — континуум «природное» («материнский инстинкт») / «социальное» (личный выбор, образ жизни, уникальный опыт) (Нартова, 2016).

По результатам исследования Н.Л. Мамышевой и И.Л. Шелехова 86,5% первородящих и 44,6% повторнородящих имеют амбивалентное отношение к эталону женщины. Идеальная женщина должна обладать взаимоисключающими качествами — быть независимой, свободной и семейной; волевой и уютной; общительной, иметь много друзей, знакомых и быть домохозяйкой; иметь возможность самореализации и быть домашней. Негативно оценивается, и недостаточная профессиональная самореализация, пренебрежение карьерой, и отсутствие семьи или недостаточное время, уделенное ребенку. Амбивалентное отношение к ребенку встречается у 24,3% первородящих и 18,5% повторнородящих женщин. В субъективной картине ребенок, о котором женщина мечтала во время беременности, спокойный, веселый, пухленький, крепыш, а реально существующий

ребенок часто воспринимается как беспокойный, шумный, непослушный, капризный. Такой женщине необходима своевременная психологическая помощь, направленная на изменение ожиданий и установок по отношению к ребенку. Без такой помощи вполне вероятно усиление разочарования и ощущения «обманутых надежд», которые приводят к неприятию ребенка матерью и формированию девиантной формы материнского поведения (Мамышева, Шелехов, 2005).

Очевидно, что конфликтность освоения роли матери может быть вызвана или обострена не только ее появлением в жизни женщины, но и предшествующими «ролевыми травмами». Интересны, в этом контексте, результаты исследований С.И. Мироновой, Т.Х. Невструевой, Л.Л. Кон, полученные на выборке девушек-сирот (Миронова, 2014; Невструева, Кон, 2019). У последних наблюдается явная компенсаторная идеализация материнского образа, а также семьи и семейной жизни, дающая ложное ощущение готовности к материнству на фоне отсутствия рефлексии соответствия желаемого и своих собственных возможностей для его осуществления. Схожая картина наблюдается и в исследовании нормативной модели материнства у социально неблагополучных семей: женщины декларируют идеализированный образ материнства и семьи, столь далекий от действительности, что женщина, изначально понимая недостижимость идеала, не делает даже элементарных вещей, связанных с удовлетворением потребностей своего ребенка, словно ожидая, что все ее проблемы разрешатся без ее участия (Смирнова, Трушкина, 2011). Возникающий таким образом диссонанс приводит к девиантному или кризисному осуществлению роли матери. Именно поэтому кризис усиливается и в ситуации одинокого материнства, меняющей представление женщины о себе как матери. В исследованиях М.А. Мягковой обнаружено, что «ролевые блоки» возникают во всех сферах — эмоционально-чувственной, когнитивной, поведенческой. Во многих случаях у одиноких матерей слабее, чем у состоящих в браке, проявляется любовь к ребенку, выбор стиля воспитания происходит менее осознанно, особенно при воспитании сыновей, на фоне доминирования стереотипных материнских установок и реакций, опосредованных культурными традициями. Все эти особенности усиливаются с увеличением возраста ребенка, несмотря на позитивное отношение к нему, основанное на безусловном принятии. Кроме того, было обнаружено, что одиноким матерям, напротив, не свойственна идеализация

родительства, причем себя они также оценивают более негативно, чем женщины, воспитывающие детей в полной семье (Мягкова, 2011). Присутствие неэффективных родительских установок у незамужних беременных женщин отмечает и С.С. Савеньшева, в исследовании которой были обнаружены следующие присущие им черты: жертвенность, потенциальная навязчивость в качестве родителя, зависимость ребенка от матери, потребность в посторонней помощи при воспитании ребенка, которые усиливаются в ситуации незапланированной беременности. Вместе с тем, на выборке беременных с разными социально-демографическими характеристиками, автором был диагностирован оптимальный тип психологической компоненты гестационной доминанты в качестве доминирующего, тогда как присутствие ролевого конфликта отмечалось лишь у небольшой части женщин (Савеньшева, 2008). Однако не все авторы согласны с тем, что матери-одиночки чем-то отличаются от замужних женщин: в исследовании Г.А. Епанчинцевой, Т.Н. Козловской, А.М. Потокиной не найдено значимых различий между этими группами в области материнских установок (Епанчинцева, Козловская, Потокина, 2018).

Таким образом, наибольшее расхождение идеального и реального образа материнства и принципиальная нереализуемость нормативной его модели, которая наблюдается в неблагополучных семьях, может давать матерям возможность оправдывать свое девиантное поведение по отношению к ребенку внешними обстоятельствами (Смирнова, Трушкина, 2011). Но и в благополучных семьях женщины, имевшие эйфорические представления о взаимодействии с детьми, страдают от неоправдавшихся ожиданий, что влечет за собой снижение числа позитивных ассоциаций с материнством, амбивалентный характер отношения к ребенку, ощущение непомерной тяжести от выполняемой роли (Якупова, Соловьева, 2014). Другие исследователи связывает ощущение «мученичества» в материнстве с общим эмоциональным фоном в семье, отношениями родителей: если они складываются хорошо, отец и мать внимательно относятся друг к другу и поддерживают, то и воспитание ребенка становится более гармоничным, демократичным, учитывающим индивидуальные особенности ребенка, что становится благоприятным фактором его развития (Овчарова, 2003; Савеньшева, Чижова, 2013). Необходимость поступиться карьерными и профессиональными устремлениями воспринимается как бременение, как сдерживающий фактор и нередко приводит

в конечном итоге к дезинтеграции образа «Я» матери, отражаясь на уровне развития ее субъектности (Пьянкова, Хомичева, 2017). Выход из этого противоречия семьи находят в постоянном поиске баланса между интересами всех членов семьи, как это было установлено в исследовании М. Карбайнс, А. Дикинсон, Б. Мак-Кензи-Грин (Carbines M., Dickinson A., McKenzie-Green B.). Поначалу эта непростая задача требует у молодых родителей немало усилий и времени, но затем переключение между сферами потребностей ребенка, родителей, мужа и жены как супружеской пары и семьи в целом становится все более гармоничным и естественным (Carbines, Dickinson, McKenzie-Green, 2017). Со временем молодые родители, прошедшие вместе через сложные этапы родительства, признают, что именно рождение ребенка сплотило их и сделало по-настоящему близкими друг другу людьми, семьей в истинном понимании этого слова (Darvill, Skirton, Farrand, 2010).

Рольевые конфликты, как и дихотомии «семья-карьера», «материнство-профессионализм», «ответственность-жертвенность» в сознании современной женщины не являются обязательными атрибутами родительства. Так, в исследовании Ю.С. Газизовой на масштабной выборке мужчин и женщин в возрасте от 16 до 75 лет были выделены две модели, репрезентирующие образ матери. Первая включает признаки матери как активного социального субъекта, обладающего высоким уровнем саморегуляции, стремящегося к самоактуализации в разных сферах жизнедеятельности — профессиональной, общественной, семейной, творческой. Материнство, в данном случае, не только включается в личностную сферу женщины, но и реализуется относительно бесконфликтно с выполнением других ролей. То есть, женщина не только ничего не теряет из-за рождения и воспитания детей, а наоборот, приобретает, наращивая свой потенциал не только родительский, но и профессиональный. Вторая модель, названная автором «семейно-ориентированной», описывает мать как субъекта межличностных и внутрисемейных отношений, прежде всего, детско-родительских. Таким образом, «ядро» первой модели составляют социальные функции женщины-матери, а второй — самореализация в материнстве (Газизова, 2014). Это согласуется и с позицией А.В. Левченко и Е.В. Галкиной, отмечающими, что современный родитель, в том числе потенциальный, не перестает стремиться к собственному развитию, полноте и насыщенности жизни, расширению социальных контактов и укреплению существующих. Появление детей может не препятствовать, а наобо-

рот, способствовать карьерным и личностным достижениям. Появление в репертуаре женщины роли матери выступает очередным вызовом системе ее ценностей, служа своеобразным индикатором происходящих изменений (Левченко, Галкина, 2013). Во многом эта ролевая динамика у российских женщин определяется спецификой их семейной истории. С помощью метода многопоколенной семейной генограммы С.А. Векилова, И.С. Клецина, Г.В. Семенова определили, что от поколения к поколению статус женщины в семье укрепляется, постепенно превращая ее в главный персонаж, о чем свидетельствует переход от центрации на репродуктивной функции и материнской роли в рамках семьи к доминированию субъектных черт женщины и ее активности во внесемейной, профессиональной сфере, которая становится неотъемлемой частью жизни женщины. И хотя еще далеко до гендерного равноправия, авторы отмечают положительную динамику в сближении ролей женщин и мужчин как результат преодоления гендерной асимметрии, свойственный прауродителям (Векилова, Клецина, Семенова, 2018).

Материнское самопостижение и самооценивание

По мнению Н.Н. Васягиной и Е.Н. Рыбаковой, в структуре самосознания матери, помимо самоотношения, следует также выделять самопостижение — непрерывный процесс и результат накопления, углубления, уточнения, расширения представлений о себе как матери, и самореализацию — процесс организации и регуляции материнского поведения, формирования и воплощения стилистики взаимодействия с ребенком (Васягина, Рыбакова, 2007). Самосознание матери раскрывается одновременно, и как сложное синтетическое образование, опосредующее ее самоотношение, и как процесс, направленный на построение и постижение эмоционально-ценностного образа «Я-мать», опосредующего ее поведение в детско-родительских отношениях (Васягина, 2010). В исследовании С. Рейс, Д. Яковец, К. Джордж, посвященном материнству на этапе младенчества, показано, что самооценка матери зависит от субъективного опыта переживания родов и влияет на описания, которые давали женщины своим детям: если оценка себя была достаточно высокой, преобладали позитивные характеристики, приписываемые младенцу (Reisz, Jacobvitz, George, 2015). Отношение женщины к своему ребенку может оказывать существенное влияние на формирование надежной привязанности. К. Дюбуа-Комтуа, К. Сир, Э. Мосс, высказывают мнение, что привязанность может влиять на физическое

здоровье ребенка, особенно мужского пола (Dubois-Comtois, Cyr, Moss, 2011). М.А. Истербрукс, Дж. Ф. Бюро, К. Лайонс-Рут выявили, что эмоциональная доступность матери, ее открытость и отсутствие враждебности в общении с ребенком в младенчестве имеет долгосрочные последствия: в школьном возрасте она уменьшает вероятность девиантного поведения и депрессивных эпизодов (Easterbrooks, Bureau, Lyons-Ruth, 2012).

Итогом углубления самопонимания, при удовлетворенности родительством, выступает готовность к делегированию ответственности за ребенка другим взрослым и возвращение к удовлетворению своих собственных потребностей, за пределами родительства (Klein, Kraft, Shohet, 2010). По достижению ребенком дошкольного возраста к этим позитивным изменениям добавляются более развитые умения воздействовать на эмоциональное состояние ребенка, оперативность в решении задач, гибкость поведения, уверенность в себе, стрессоустойчивость, уравновешенность (Захарова, Калачева, 2012). У женщин, воспитывающих детей раннего возраста, удовлетворенность материнством повышает принятие совершенного ценностного выбора (Еремина, 2015), преобразованная иерархия потребностей (Carbines, Dickinson, McKenzie-Green, 2017), позитивный эмоциональный настрой, более полное принятие себя как родителя (Захарова, Калачева, 2012). Происходят конструктивные изменения и в более широком масштабе: в этот период особое значение приобретает социальный контекст реализации родительской роли, укрепляется система семейных и других межличностных отношений (Darvill, Skirton, Farrand, 2010; Negron, Martin, Almog, Balbierz, Howell, 2013), активно создается новая коммуникативная среда (Klein, Kraft, Shohet, 2010; Dubois-Comtois, Cyr, Moss, 2011; Котлярова, 2014; Тихомирова, Уманская, 2016).

Представления о благополучном и неблагополучном материнстве

Матери значимо чаще ориентированы на ценности, связанные с семьей, у отцов кроме этого важными компонентами благополучия являются успешная карьера и материальное благосостояние (Собкина, Халутина, 2017). Стремление матерей к укреплению межличностной близости, склонность к кооперативности, соучастию в жизни ребенка, сохраняется в младшем школьном и подростковом возрасте (Аликин, Лукьянченко, 2012). В период отрочества позитивное влияние на благополучие матери и ребенка оказывает от-

крытость и совместность обсуждения и осмысления подростковых проблем (Horstman, Maliski, Hays, Cox, Enderle, Nelson, 2016) и, чем старше становится ребенок, тем больший личностный смысл мать вкладывает в общение с ним, не боясь выглядеть уязвимой, тем большую взаимность она получает (McLean, Morrison-Cohen, 2013). В дальнейшем важной задачей для матерей является принятие необходимости отделения ребенка от родительской семьи, физической и эмоциональной сепарации с ним. Этот процесс смягчает то, что окончание подросткового возраста у ребенка и его переход к юности знаменует изменения в детско-родительских отношениях: они становятся менее конфликтными, более согласованными. В исследовании М.Е. Пермяковой и М.А. Муртазиной была обнаружена связь между уровнем субъективного благополучия детей 17–22 лет и их матерей. Авторы трактовали данный результат, используя формулировку «у счастливых матерей вырастают счастливые дети» (Пермякова, Муртазина, 2016). Однако полагаем, что факт взаимосвязи дает возможность считать справедливой и обратную формулировку: матери счастливы тогда, когда счастливы их дети. И здесь опять требуется проявление гибкости и стрессоустойчивости со стороны матери, у которой родительство за долгие годы плотно вплелось в ролевую структуру и самосознание.

Таким образом, несмотря на то что характер отношений с ребенком и успешность его развития оказывают влияние на удовлетворенность материнством, все же наиболее сильными предикторами последнего, по мнению Е.И. Захаровой и Н.Ю. Калачева выступает отношение женщины к роли матери, позитивная оценка со стороны социального окружения, успешность реализации материнских функций, таких как воспитание, обучение, уход (Захарова, Калачева, 2012).

Заключение

В поле зрения современных исследователей, как отечественных, так и зарубежных, попадает весьма широкий спектр проблематики в области родительства. Большинство ученых рассматривает родительство как основную функцию института семьи, как единственный нормативный способ воспроизводства населения, преемственности поколений, передачи общественного опыта.

В субъективной картине материнства отражен спектр ее значений в различных масштабах бытия — от отдельного человека до общества в целом, в нее входят представления о различных сторонах

материнской роли, разнообразии в ее понимании, существующем и желаемом образе матери, факторах удовлетворенности родительством, границах материнской жертвенности. Культурные традиции, доминирующие в обществе ценностные ориентации, представления о личностной успешности, карьере, благополучии оказывают существенное влияние на субъективную картину материнства, но преобладающее значение имеют межличностные отношения в близком социальном окружении. Субъективная картина материнства представляет собой часть мироощущения и мировоззрения женщины. Она изменяется под влиянием жизненных планов и обстоятельств, многочисленных внешних и внутренних факторов.

Можно констатировать высокий исследовательский интерес к родительству и материнству в России и за рубежом. Обнаружены существенные различия в оценках и трактовках многих аспектов материнства. Трудности построения целостной и системной картины изучаемого феномена возникают и вследствие многочисленности самих подходов и эмпирических данных, что настоятельно требует расширения комплексных исследований, в том числе имеющих кросскультурный характер, с целью выявления российской специфики обобщаемых явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аликин И.А., Лукьянченко Н.В. Нормативная динамика родительского отношения в современном обществе: возрастной и гендерный аспекты // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 4. С. 228–234.

Андрянова Е.А., Новокрещенова И.Г., Аранович И.Ю. Готовность к роли матери: медико-социологический анализ факторов формирования // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология 2011. Т. 11. Вып. 4. С. 5–12.

Борисова С.Н., Седельникова Ю.Р. Соотношение ценности материнства и психологической готовности к материнству с основными жизненными мотивами и ценностями у молодых женщин-студенток // Вестник ПГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2018. № 1. С.119–129. DOI: 10.24411/2308-7218-2018-00013

Брутман В.И., Ениколопов С.Н., Панкратова М.С. Некоторые результаты социологического и психологического обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 31–36.

Валева Е.Х. Психологические особенности отношения девушки к себе как будущей матери: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006.

Васягина Н.Н., Рыбакова Е.Н. Структурно-содержательный анализ самосознания матери // Образование и наука. 2007. № 2 (44). С. 75–84.

Васягина Н.Н. Сущностные характеристики самосознания матери // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2010. № 2. С. 181–186.

Векилова, С.А., Клецина, И.С., Семенова, Г.В. Профессиональные и семейные роли женщин в истории многопоколенной семьи // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 140–150. DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.13

Газизова Ю.С. Модели репрезентации образа матери в российской ментальности // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 9. С. 190–197.

Галаяйтинова С.И., Кутушева Р.Р., Гумерова Р.Б. Психологическая готовность беременных женщин к родительству // *Российский гуманитарный журнал*. 2016. № 2. С. 243–250. DOI: 10.5643/libartrus-2016.2.13

Грицкевич Н.К., Долгих А.А., Большунова Н.Я. Психологическая характеристика системы ценностей женщины-матери // *Вестник ТГПУ*. 2015. № 3 (156). С. 14–18.

Гунзунова Б.А. Взаимосвязь психологической готовности к материнству и эмоциональных особенностей беременных женщин // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия «Психология». 2019. Т. 28. С. 3–11. DOI: 10.26516/2304-1226.2019.28.3

Гурьянова Т.А. Особенности образа себя как матери и образа ребенка у женщин с разным типом психологической готовности к материнству // *Вестник Барнаульского государственного педагогического университета*. 2004. № 4–1. С. 43–53.

Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н., Потокина А.М. Специфика материнских установок женщин, имеющих детей в возрасте от 5 до 7 лет // *Вестник ОГУ*. 2018. № 5 (217). С. 94–99.

Еремина Ю.А. Доминирующие копинг-стратегии матери, воспитывающей ребенка раннего возраста // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. № 11 (164). С. 77–81.

Жупиева Е.И. Особенности психологической готовности к материнству студенток // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 100–108. DOI: 10.17223/17267080/56/8

Захарова Е.И. Особенности взаимодействия матерей с детьми в условиях «позднего» материнства // *Национальный психологический журнал*. 2014. № 2 (14). С. 95–99.

Захарова Е.И., Калачева Н.Ю. Условия удовлетворенности материнством женщин, имеющих детей раннего и дошкольного возраста // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 1226–1233.

Казаева Е.А. Исследование особенностей послеродовой депрессии у женщин // *Психология семьи в современном мире*. 2017. С. 176–182.

Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современные модели // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 72–90. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6

Колесова А.О. Представления младших школьников о родительских ролях: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.

Копыл О.А., Баженова О.В., Баз Л.Л. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс. 1993. № 4. С. 35–42.

Корниенко Д.С., Радостева А.Г., Силина Е.А. Особенности психологического компонента гестационной доминанты, внутрисемейных отношений и родительских установок у женщин в связи с возрастом и статусом (беременные и не беременные) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 1. С. 83–93. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-83-93

Котлярова М.Н. Изучение влияния социальных отношений беременных женщин на характер протекания беременности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 3 (6). С. 36–58.

Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. СПб.: Речь, 2005.

Левченко А.В., Галкина Е.В. Репродуктивная мотивация и эмоциональное состояние женщин во время беременности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 4 (129). С. 130–136.

Леус Т.В. Представление женщины о себе как о матери до и после родов: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001.

Мамышева Н.Л., Шелехов И.Л. Материнство в зеркале невротического конфликта // Вестник ТГПУ. 2005. № 1. С. 91–94.

Мережников А.П., Степанова О.П. Психические состояния будущих матерей, обучающихся в вузе // Перспективы Науки и Образования. 2019. № 1 (37). С. 327–338. DOI: 10.32744/pse.2019.124

Микляева А.В., Румянцева П.В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 67–77.

Миронова С.И. Специфика психологической готовности к материнству девушек-сирот: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2014.

Мордас Е.С. Психологический кризис беременности // Akademicka psychologie. 2017. № 1. С. 39–48.

Мягкова М.А. Психологические особенности одинокого материнства // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 4. С. 151–156.

Нартова Н.А. Материнство в современной западной социологической дискуссии // Женщина в российском обществе. 2016. №3 (80). С. 39–53. DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.4

Невструева Т.Х., Кон Л.Л. Представления о материнстве девушек — социальных сирот в контексте проблемы психологической готовности к материнству // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 4. Том 7. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN419.pdf> (дата обращения: 27.06.2020).

Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. М.: Институт психотерапии, 2003.

Пайнз З. Бессознательное использование своего тела женщиной (психоаналитический подход). СПб.: совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б.С.К, 1997.

Пермякова М.Е., Муртазина М.А. Субъективное ощущение счастья у матерей и их детей юношеского возраста // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 1 (147). С. 85–92.

Пьянкова Л.А., Хомичева В.Е. Психологический контекст феномена материнства // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 3. С. 40–44.

Разина Н.В. Культурные основы представлений о материнстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2012. № 15 (95). С. 192–199.

Савеньшиева С.С. Отношение к материнству у современных женщин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2008. № 4. С. 45–54.

Савеньшиева С.С., Чижова В.Ф. Материнское отношение как фактор психического развития ребенка раннего возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2013. № 3. С. 32–41.

Смирнова Е.О., Трушкина С.В. Варианты нормативных моделей материнства у современных женщин // Социология образования. Труды по социологии образования. М.: Изд-во Института социологии образования Российской академии образования, 2011. С. 122–134.

Собкин В.С., Халутина Ю.А. Ценностно-целевые установки родителей по воспитанию детей старшего дошкольного возраста и их связь со стилями воспитания // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2017. № 7 (79). С. 4–16.

Тихомирова Е.В., Уманская И.А. Женщина в ранний период материнства как объект психологического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 147–151.

Устинова Н.А. Аксиологический подход к формированию осознанного материнства // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 204–208.

Филиппова Г.Г. Психология материнства: учеб. пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.

Хазова С.А., Золотова И.А. Особенности гестационной доминанты женщин, не встающих на учет по беременности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15. № 5. С. 200–205.

Якупова В.А. Психологические условия успешного освоения материнской роли // Консультативная психология и психотерапия. 2017. № 1 (95). Т. 25. С. 59–71.

Behringer, J., Reiner, I., & Spangler, G. (2011). Maternal representations of past and current attachment relationships, and emotional experience across the transition to motherhood: A longitudinal study. *Journal of Family Psychology*, 25 (2), 210–219. DOI: 10.1037/a0023083

Carbines, M., Dickinson, A., McKenzie-Green, B. (2017). The Parenting Journey: Daily Parental Management in Families with Young Children. *Comprehensive child and adolescent nursing*, 40 (4), 223–239. DOI: 10.1080/24694193.2017.1373161

Christopher, K. (2012). Extensive mothering: Employed mothers' constructions of the good mother. *Gender & Society*, 26 (1), 73–96. DOI: 10.1177/0891243211427700

Copeland, D.B., Harbaugh, B.L. (2019). "It's Hard Being a Mama": Validation of the Maternal Distress Concept in Becoming a Mother. *The Journal of Perinatal Education*, 28 (1), 28–42. DOI: 10.1891/1058-1243.28.1.28

Darvill, R., Skirton, H., Farrand, P. (2010). Psychological factors that impact on women's experiences of first-time motherhood: a qualitative study of the transition. *Midwifery*, 26 (3), 357–366. DOI: 10.1016/j.midw.2008.07.006

Dubois-Comtois, K., Cyr, C., & Moss, E. (2011). Attachment behavior and mother-child conversations as predictors of attachment representations in middle childhood: A longitudinal study. *Attachment & human development*, 13 (4), 335–357. DOI: 10.1080/14616734.2011.584455

Dubois-Comtois, K., Moss, E., Cyr, C., & Pascuzzo, K. (2013). Behavior problems in middle childhood: The predictive role of maternal distress, child attachment, and mother-child interactions. *Journal of abnormal child psychology*, 41 (8), 1311–1324. DOI: 10.1007/s10802-013-9764-6

Easterbrooks, M.A., Bureau, J.F., & Lyons-Ruth, K. (2012). Developmental correlates and predictors of emotional availability in mother-child interaction: A longitudinal study from infancy to middle childhood. *Development and psychopathology*, 24 (1), 65–78. DOI: 10.1017/S0954579411000666

England, P. (2005). Gender inequality in labor markets: The role of motherhood and segregation // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 12 (2), 264–288. DOI: 10.1093/sp/jxi014

Frech, A. & Damaske, S. (2012). The relationships between mothers' work pathways and physical and mental health. *Journal of Health and Social Behavior*, 53 (4), 396–412. DOI: 10.1177/0022146512453929

Guendouzi, J. (2006). "The guilt thing": Balancing domestic and professional roles. *Journal of Marriage and Family*, 68, 901–909. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2006.00303.x

Harwood, K., McLean, N., & Durkin, K. (2007). First-and second-time parents' couple relationship: from pregnancy to second year postpartum. *Family Science*, 6 (1), 346–355. DOI: 10.1080/19424620.2015.1075894

Henderson, A., Harmon, S., & Newman, H. (2016). The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*, 74 (11-12), 512–526.

Horstman, H.K., Maliski, R., Hays, A., Cox, J., Enderle, A., & Nelson, L.R. (2016). Unfolding narrative meaning over time: The contributions of mother-daughter conversations of difficulty on daughter narrative sense-making and well-being. *Communication Monographs*, 83 (3), 326–348. DOI: 10.1080/03637751.2015.1068945

Howell, E.A., Mora, P., & Leventhal, H. (2006). Correlates of early postpartum depressive symptoms. *Maternal and Child Health Journal*, 10 (2), 149–157. DOI: 10.1007/s10995-005-0048-9.

Johnston, D.D., & Swanson, D.H. (2006). Constructing the "good mother": The experience of mothering ideologies by work status. *Sex Roles*, 54, 509–519. DOI: 10.1007/s11199-006-9021-3

Klein, P.S., Kraft, R.R., & Shohet, C. (2010) Behaviour patterns in daily mother-child separations: possible opportunities for stress reduction. *Early Child Development and Care*, 180 (3), 387–396. DOI: 10.1080/03004430801943290

Kushner, K.E., Pitre, N., Williamson, D.L., Breitreuz, R., Rempel, G. (2014). Anticipating Parenthood: Women's and Men's Meanings, Expectations, and Idea(l)s in Canada. *Marriage & Family Review*, 50 (1), 1–34. DOI: 10.1080/01494929.2013.834026

Liss, M., Schiffrin, H.H. & Rizzo, K.M. (2013). Maternal Guilt and Shame: The Role of Self-discrepancy and Fear of Negative Evaluation. *Journal of Child and Family Studies*, 22 (8), 1112–1119. DOI: 10.1007/s10826-012-9673-2

McLean, K.C., & Morrison-Cohen, S. (2013). Moms telling tales: maternal identity development in conversations with their adolescents about the personal past. *Identity*, 13 (2), 120–139. DOI: 10.1080/15283488.2013.776498

Negron, R., Martin, A., Almog, M., Balbierz, A., & Howell, E.A. (2013). Social support during the postpartum period: mothers' views on needs, expectations, and mobilization of support. *Maternal and child health journal*, 17 (4), 616–623. DOI: 10.1007/s10995-012-1037-4

Reisz, S., Jacobvitz, D., & George, C. (2015). Birth and motherhood: childbirth experience and mothers' perceptions of themselves and their babies. *Infant mental health journal*, 36 (2), 167–178. DOI: 10.1002/imhj.21500

Ridgeway, C.L. & Correll, S.J. (2004). Motherhood as a status characteristic. *Journal of Social Issues*, 60 (4), 683–700. DOI: 10.1111/j.0022-4537.2004.00380.x

Walls, J.K., Helms, H.M., & Grzywacz, J.G. (2016). Intensive mothering beliefs among full-time employed mothers of infants. *Journal of Family Issues*, 37 (2), 245–269. DOI: 10.1177/0192513X13519254

REFERENCES

Alikin I.A., Luk'yanchenko N.V. (2012) The normative dynamics of parenting in modern society: age and gender aspects. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva (Bulletin of KSPU named after V.P. Astaf'eva)*, 4, 228–234. (in Russ.).

Andriyanova E.A., Novokreshchenova I.G., Aranovich I.Yu. (2011) Readiness for the role of the mother: medical and sociological analysis of formation factors. *Izvestiya Saratovskogo universiteta, Sotsiologiya. Politologiya (News of Saratov University)*, 11, 4, 5–12. (in Russ.).

Behringer J., Reiner I., & Spangler G. (2011) Maternal representations of past and current attachment relationships, and emotional experience across the transition to motherhood: A longitudinal study. *Journal of Family Psychology*, 25 (2), 210–219.

Borisova S.N., Sedel'nikova Yu.R. (2018) Correlation of the value of motherhood and psychological readiness for motherhood with the main life motives and values

of young female students. *Vestnik PGGPU. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki (Bulletin of the Perm State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences)*, 1, 119–129. (in Russ.).

Brutman V.I., Enikolopov S.N., Pankratova M.S. (1994) Some results of a sociological and psychological examination of women who abandoned their newborn children. *Voprosy psikhologii (Psychology Issues)*, 5, 31–36. (in Russ.).

Carbines M., Dickinson A., McKenzie-Green B. (2017) The Parenting Journey: Daily Parental Management in Families with Young Children. *Comprehensive child and adolescent nursing*, 40 (4), 223–239.

Christopher K. (2012) Extensive mothering: Employed mothers' constructions of the good mother. *Gender & Society*, 26 (1), 73–96.

Copeland D.B., Harbaugh B.L. (2019) “It's Hard Being a Mama”: Validation of the Maternal Distress Concept in Becoming a Mother. *The Journal of Perinatal Education*, 28 (1), 28–42.

Darvill R., Skirton H., Farrand P. (2010) Psychological factors that impact on women's experiences of first-time motherhood: a qualitative study of the transition. *Midwifery*, 26 (3), 357–366.

Dubois-Comtois K., Cyr C., Moss E. (2011) Attachment behavior and mother-child conversations as predictors of attachment representations in middle childhood: A longitudinal study. *Attachment & human development*, 13 (4), 335–357.

Dubois-Comtois K., Moss E., Cyr C., & Pascuzzo K. (2013) Behavior problems in middle childhood: The predictive role of maternal distress, child attachment, and mother-child interactions. *Journal of abnormal child psychology*, 41 (8), 1311–1324.

Easterbrooks M.A., Bureau J.F., & Lyons-Ruth K. (2012) Developmental correlates and predictors of emotional availability in mother-child interaction: A longitudinal study from infancy to middle childhood. *Development and psychopathology*, 24 (1), 65–78.

England P. (2005) Gender inequality in labor markets: The role of motherhood and segregation. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 12 (2), 264–288.

Epanchintseva G.A., Kozlovskaya T.N., Potokina A.M. (2018) Specificity of maternal attitudes of women with children aged 5 to 7 years. *Vestnik OGU (OGU Bulletin)*, 5 (217), 94–99. (in Russ.).

Eremina Yu.A. (2015) Dominant coping strategies of a mother raising a young child. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of Tomsk State Pedagogical University)*, 11 (164), 77–81. (in Russ.).

Filippova G.G. (2002) *Psychology of motherhood: textbook*. Moscow: Izd-vo Instituta Psihoterapii. (in Russ.).

Frech A. & Damaske S. (2012) The relationships between mothers' work pathways and physical and mental health. *Journal of Health and Social Behavior*, 53 (4), 396–412.

Galyautdinova S.I., Kutusheva R.R., Gumerova R.B. (2016) Psychological readiness of pregnant women for parenthood. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal (Russian Humanitarian Journal)*, 2, 243–250. (in Russ.).

Gazizova Yu.S. (2014) Models for representing the image of the mother in the Russian mentality. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii (Pedagogical Education in Russia)*, 9, 190–197. (in Russ.).

Gritskevich N.K., Dolgikh A.A., Bol'shunova N. Ya. (2015) Psychological characteristic of a woman's mother system of values. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)*, 3 (156), 14–18. (in Russ.).

Guendouzi J. (2006) “The guilt thing”: Balancing domestic and professional roles. *Journal of Marriage and Family*, 68, 901–909.

Gunzunova B.A. (2019) Interrelation of psychological readiness for motherhood and emotional characteristics of pregnant women. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Psikhologiya” (News of Irkutsk State University. Part “Psychology”)*, 28, 3–11. (in Russ.).

Gur'yanova T.A. (2004) Features of the image of oneself as a mother and the image of a child in women with different types of psychological readiness for motherhood. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of Barnaul State Pedagogical University)*, 4-1, 43–53. (in Russ.).

Harwood K., McLean N., Durkin K. (2007) First-and second-time parents' couple relationship: from pregnancy to second year postpartum. *Family Science*, 6(1), 346–355.

Henderson A., Harmon S., Newman H. (2016) The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*, 74 (11–12), 512–526.

Horstman H.K., Maliski R., Hays A., Cox J., Enderle A., Nelson L. R. (2016) Unfolding narrative meaning over time: The contributions of mother-daughter conversations of difficulty on daughter narrative sense-making and well-being. *Communication Monographs*, 83 (3), 326–348.

Howell E.A., Mora P., Leventhal H. (2006) Correlates of early postpartum depressive symptoms. *Maternal and Child Health Journal*, 10 (2), 149–157.

Johnston D.D., Swanson D.H. (2006) Constructing the “good mother”: The experience of mothering ideologies by work status. *Sex Roles*, 54, 509–519.

Kazaeva E.A. (2017) Study of the features of postpartum depression in women. *Psikhologiya sem'i v sovremennom mire (Family Psychology in the modern world)*, 176–182. (in Russ.).

Khazova S.A., Zolotova I.A. (2009) Features of the gestational dominant of women who do not register for pregnancy. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika (Bulletin KSU n.b. N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetics)*, 15, 5, 200–205. (in Russ.).

Klein P.S., Kraft R.R., Shohet C. (2010) Behaviour patterns in daily mother-child separations: possible opportunities for stress reduction. *Early Child Development and Care*, 180 (3), 387–396.

Kletsina I.S., Ioffe E.V. (2019) The norms of female behavior: traditional and contemporary models. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve (Woman in Russian Society)*, 3, 72–90. (in Russ.).

Kolesova A.O. (2011) Predstavleniya mladshikh shkol'nikov o roditel'skikh rolyakh Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. (Representations of elementary school students about parental roles (PHd) Thesis). Saint Petersburg (in Russ.).

Kopyl O.A., Bazhenova O.V., Baz L.L. (1993) Preparedness for motherhood: identification of factors, psychological risk conditions for the future development of the child. *Sinaps (Synapse)*, 4, 35–42. (in Russ.).

Kornienko D.S., Radosteva A.G., Silina E.A. (2019) Features of the psychological component of the gestational dominant, family relationships and parental attitudes in women in connection with age and status (pregnant and non-pregnant). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya (Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology)*, 1, 83–93. (in Russ.).

Kotlyarova M.N. (2014) Studying the influence of social relations of pregnant women on the nature of pregnancy. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie (Personality in a changing world: health, adaptation, development)*, 3 (6), 36–58. (in Russ.).

Kryukova T.L., Saporovskaya M.V., Kuftyak E.V. (2005) *Family psychology: life difficulties and coping with them*. Saint Petersburg: Rech'. (in Russ.).

Kushner K.E., Pitre N., Williamson D.L., Breikreuz R., Rempel G. (2014) Anticipating Parenthood: Women's and Men's Meanings, Expectations, and Ideals in Canada. *Marriage & Family Review*, 50 (1), 1–34.

Leus T.V. (2001) Predstavlenie zhenshchiny o sebe kak o materi do i posle rodov. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk (Woman's self-image as a mother before and after childbirth) (PHd) Thesis. Moscow (in Russ.).

Levchenko A.V., Galkina E.V. (2013) Reproductive motivation and emotional state of women during pregnancy. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya (Bulletin of the Adygea State University. Part 3: Pedagogy and Psychology)*, 4 (129), 130–136. (in Russ.).

Liss M., Schiffrin H.H., Rizzo K.M. (2013) Maternal Guilt and Shame: The Role of Self-discrepancy and Fear of Negative Evaluation. *Journal of Child and Family Studies*, 22 (8), 1112–1119.

Mamysheva N.L., Shelekhov I.L. (2005) Maternity in the mirror of a neurotic conflict. *Vestnik TGPU (Bulletin TSPU)*, 1, 91–94. (in Russ.).

McLean K.C., Morrison-Cohen S. (2013) Moms telling tales: maternal identity development in conversations with their adolescents about the personal past. *Identity*, 13 (2), 120–139.

Merezhnikov A.P., Stepanova O.P. (2019) Mental conditions of expectant mothers studying at the university. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya (Prospects for Science and Education)*, 1 (37), 327–338. (in Russ.).

Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. (2018) “#SheIsAMother”: implicit social ideas about motherhood in modern Russian Internet discourse. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve (Woman in Russian society)*, 1 (86), 67–77. (in Russ.).

Mironova S.I. (2014) Spetsifika psikhologicheskoi gotovnosti k materinstvu devushek-sirot. Avtoref. diss... kand. psikhol. nauk (Specificity of psychological readiness for motherhood of orphaned girls (PHd) Thesis). Moscow. (in Russ.).

Mordas E.S. (2017) Psychological pregnancy crisis. *Akademicka psychologie (Akademicka psychologie)*, 1, 39–48. (in Russ.).

Myagkova M.A. (2011) Psychological features of single motherhood. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Surgut State Pedagogical University)*, 4, 151–156. (in Russ.).

Nartova N.A. (2016) Motherhood in contemporary Western sociological debate. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve (Woman in Russian Society)*, 3 (80), 39–53. (in Russ.).

Negron R., Martin A., Almog M., Balbierz A., Howell E.A. (2013) Social support during the postpartum period: mothers' views on needs, expectations, and mobilization of support. *Maternal and child health journal*, 17 (4), 616–623.

Nevstrueva T.Kh., Kon L.L. (2019) The concept of motherhood of girls-social orphans in the context of the problem of psychological readiness for motherhood. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and psychology)*, 4, 7. (Retrieved from <https://mir-nauki.com/PDF/65PSMN419.pdf> (review date: 27.06.2020) (in Russ.).

Ovcharova R.V. (2003) *Psikhologicheskoe soprovozhdenie roditel'stva (Psychological support of parenthood)*, Moscow: Izd-vo Instituta Psihoterapii. (in Russ.).

Painz Z. (1997) *Unconscious use of your body by a woman (psychoanalytic approach)*. Saint Petersburg: sovместnoe izdanie Vostochno-Evropejskogo instituta psihoanaliza i B.S.K. (in Russ.).

Permyakova M.E., Murtazina M.A. (2016) Subjective feeling of happiness in mothers and their young children. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury (News of the Ural Federal University. Problems of education, science and culture)*, 1 (147), 85–92. (in Russ.).

P'yankova L.A., Khomicheva V.E. (2017) Psychological context of the phenomenon of motherhood. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika (Society: sociology, psychology, pedagogy)*, 3, 40–44. (in Russ.).

Razina N.V. (2012) The cultural foundations of ideas about motherhood. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" (Bulletin of the RSUH. Series "Psychology. Pedagogy. Education")*, 15 (95), 192–199. (in Russ.).

Reisz S., Jacobvitz D., George C. (2015) Birth and motherhood: childbirth experience and mothers' perceptions of themselves and their babies. *Infant mental health journal*, 36 (2), 167–178.

Ridgeway C.L., Correll S.J. (2004) Motherhood as a status characteristic. *Journal of Social Issues*, 60 (4), 683–700.

Savenysheva S.S. (2008) Attitude to motherhood in modern women. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Sociology)*, 4, 45–54. (in Russ.).

Savenysheva S.S., Chizhova V.F. (2013) Maternal attitude as a factor in the mental development of a young child. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sotsiologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Sociology)*, 3, 32–41. (in Russ.).

Smirnova E.O., Trushkina S.V. (2011) *Variants of normative models of motherhood in modern women*. Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya (pp. 122–134). Moscow: Izdatel'stvo Instituta sociologii obrazovaniya (in Russ.).

Sobkin V.S., Khalutina Yu.A. (2017) Values of parents on the upbringing of children of senior preschool age and their relationship with parenting styles. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika (Modern Preschool Education. Theory and practice)*, 7 (79), 4–16. (in Russ.).

Tikhomirova E.V., Umanskaya I.A. (2016) Woman in the early period of motherhood as an object of psychological research. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin)*, 4, 147–151. (in Russ.).

Ustinova N.A. (2015) Axiological approach to the formation of conscious motherhood. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii (Pedagogical education in Russia)*, 6, 204–208. (in Russ.).

Valeeva E.Kh. (2006) *Psikhologicheskie osobennosti otnosheniya devushki k sebe kak budushchei materi*. Avtoref. diss. ... kand. psikhol. nauk. (Psychological features of a girl's attitude to herself as a future mother (PhD), Moscow (in Russ.).

Vasjagina N.N., Rybakova E.N. (2007) Structural and meaningful analysis of the self-awareness of the material. *Obrazovanie i nauka (Education and Science)*, 2, 44, 75–84. (in Russ.).

Vasjagina N.N. (2010) Essential characteristics of self-awareness of the material. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy (Scientific problems of humanitarian research)*, 2, 181–186. (in Russ.).

Vekilova S.A., Kletsina I.S., Semenova G.V. (2018) Professional and family roles of females of the history of miltygenerational family. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve (Woman in Russian Society)*, 4, 140–150. (in Russ.).

Walls J.K., Helms H.M., Grzywacz J.G. (2016) Intensive mothering beliefs among full-time employed mothers of infants. *Journal of Family Issues*, 37 (2), 245–269.

Yakupova V.A. (2017) Psychological conditions for the successful development of the maternal role. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Advisory Psychology and Psychotherapy)*, 1 (95), 25, 59–71. (in Russ.).

Zakharova E.I. (2014) Features of the interaction of mothers with children in the conditions of «late» motherhood. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National Psychological Journal)*, 2 (14), 95–99. (in Russ.).

Zakharova E.I., Kalacheva N.Yu. (2012) Conditions for satisfaction with maternity of women with children of early and preschool age. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo (News of PSPU n. b. V.G. Belinsky)*, 28, 1226–1233. (in Russ.).

Zhupieva E.I. (2015) Peculiarities of psychological readiness for motherhood of students. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, 56, 100–108. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Леонид Васильевич — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: leon-piter@mail.ru

Малёнова Арина Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия. E-mail: malyonova@mail.ru

Потапова Юлия Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Омского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, Омск, Россия. E-mail: kardova.jv@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Kulikov Leonid Vasilevich — Doctor of Psychology, Professor, Department of Social Psychology, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: leon-piter@mail.ru

Malyonova Arina Yurievna — PhD in Psychology, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia. E-mail: malyonova@mail.ru

Potapova Yulia Viktorovna — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Omsk State Medical University, Omsk, Russia. E-mail: kardova.jv@gmail.com